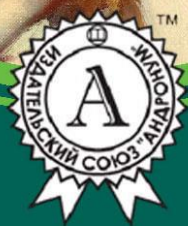

ЛЮСИ
МОНТГОМЕРИ

ЭНН
ИЗ ЗЕЛЁНЫХ
КРЫШ

«Энн из Зелёных Крыш» — один из самых известных романов канадской писательницы Люси Монтгомери (англ. Lucy Montgomery, 1874–1942).

Марилла и Мэтью Касберт из Грингейбла, что на острове Принца Эдуарда, решают усыновить мальчика из приюта. Но по непредвиденному стечению обстоятельств к ним попадает девочка Энн Ширли.

Другими выдающимися произведениями Л. Монтгомери являются «История девочки», «Золотая дорога», «Энн с острова Принца Эдуарда», «Энн и Дом Мечты» и «Эмили из Молодого месяца».

Люси Монтгомери опубликовала более ста рассказов в газетах «Кроникл» и «Эхо», прежде чем вернулась к своему давнему замыслу, книге о рыжеволосой девочке и ее друзьях.

Люси Монтгомери Энн из Зелёных Крыш

Глава 1. Миссис Рейчел Линд удивляется

Миссис Рейчел Линд жила как раз в том месте, где главная дорога на Эйвонли спускалась вниз в небольшую лощину, заросшую ольхой со свисающими с ветвей серёжками, и пересекала ручей, который начинался глубоко в лесу, где стоял дом старого Касберта. Этот ручей тёк извилисто, вначале стремительный — затем разливался каскадом и превращался в тёмные таинственные пруды; а к тому времени, как достигал поместья Линдов, стихал, это уже был благовоспитанный ручеек, ведь даже ручей не может протекать мимо двери миссис Рейчел Линд без соблюдения приличий. Он, вероятно, знал, что миссис Рейчел постоянно сидит у окна, наблюдая за всем происходящим, включая ручьи и детей, и что, если она заметила нечто странное или неуместное, она не успокоится, пока не узнает, что происходит.

Существует множество людей, как в Эйвонли, так и за его пределами, которые так интересуются делами своих соседей, что забывают о своих; но миссис Рейчел Линд принадлежала к тем немногим, кто способен успешно заниматься и своими делами, и чужими в придачу. Она была выдающейся хозяйкой, вся работа по дому выполнялась идеально; она также вела кружок кройки и шитья, помогала в воскресной школе, и состояла активным членом Благотворительной церковной организации, а также Общества помощи миссионерам. Тем не менее, при всем при этом, миссис Рейчел находила время, чтобы сидеть часами у окна кухни, вязать одеяла из толстых хлопковых нитей (их накопилось уже шестнадцать, как с придыханием рассказывали домохозяйки в Эйвонли), и наблюдать за главной дорогой, которая пересекала здесь лощину, а затем поднималась вверх на крутой красноватый холм.

Так как Эйвонли находится на треугольном полуострове в заливе Святого Лаврентия и окружён водой с двух сторон, всякий, кто приезжает или уезжает из этого посёлка — не пропустит дорогу на холме и таким образом, не ведая того, попадёт под всевидящее око миссис Рейчел.

Однажды в начале июня она как всегда сидела у окна. Солнце освещало всё вокруг своими тёплыми лучами. Сад, разросшийся на склоне за домом, был как-будто одет в свадебный наряд из розово — белых цветов, над которыми гудели рои пчел. Томас Линд, кроткий маленький человек, которого люди в Эйвонли называли "муж Рэйчел Линд", сажал репу на холмистом поле за сараем; и Мэтью Касберт тоже должен был этим заниматься на своём большом поле возле ручья, рядом с Зелеными крышами. Миссис Рейчел знала об этом, потому что слышала вчера, как он сказал Питеру Моррисону в магазине Уильяма Блэра в Кармоди, что собирается посеять семена репы на следующий день. Конечно, это Питер спросил его, Мэтью Касберт никогда сам не рассказывал о себе, если его не спрашивали.

И все же, вот он — Мэтью Касберт — в половине четвертого, в рабочий день, спокойно едет по дороге через лощину и вверх по холму. Кроме того, он надел свой лучший костюм с белым воротничком, а это является доказательством того, что он уезжает куда-то из Эйвонли. А ещё сидел он в кабриолете, запряжённом гнедой кобылой, и это значило, что он собирается в дальнюю дорогу. Итак, куда же Мэтью Касберт едет и зачем?

Если бы это был любой другой человек в Эйвонли, миссис Рейчел, сложив два и два, легко бы нашла ответ на оба вопроса. Но Мэтью так редко выезжал из дома, что должно было случиться что-то необычное, раз он решился на поездку; ведь он был робкий человек и терпеть не мог ехать куда-то в незнакомое место и общаться с чужими людьми. Мэтью в костюме с белым воротничком и в кабриолете — это нечто из ряда вон выходящее. Миссис Рейчел задумалась, но так ничего и не придумала, и поэтому удовольствие от послеобеденного отдыха было испорчено.

— Я просто пройду к Зеленым крышам после чая и узнаю у Мариллы, куда он поехал и зачем, — наконец решила эта достойная женщина. — Он обычно не ездит в город в это время года, и он *никогда* не ходит в гости. Если бы он поехал за семенами репы, он не стал бы так одеваться и брать кабриолет. А если б ему нужен был врач, то он ехал бы быстрее. Тем не менее, что-то случилось прошлым вечером, что заставило его покинуть дом. Вот это головоломка! Но я не успокоюсь, пока не выясню, зачем Мэтью Катберт выехал из Эйвонли сегодня.

Итак, после чая миссис Рейчел собралась на прогулку. Идти было недалеко. Расстояние от поместья Линд до большого, раскинувшегося в саду, дома Касбертов составляло всего лишь четверть мили вверх по дороге. Однако дальше нужно было идти по длинной тропинке. Отец Мэтью Касберта, застенчивый и тихий, как и его сын, — выбрал самое уединенное место, когда строил дом — вблизи леса, но подальше от других людей. Дом «Зелёные крыши» был построен на самом краешке его участка, и там и стоял в наши дни, едва видимый с главной дороги, вдоль которой теснились все остальные дома в Эйвонли. Миссис Рейчел Линд считала, что *жить* в таком месте вообще невозможно.

«Тут можно только *существовать*» — бормотала она, шагая по узкой тропинке, обрамлённой кустами

дикой розы. — «Это не удивительно, Мэтью и Марилла оба немного странные, ведь живут так уединённо. Деревья не очень хорошая компания, хотя их там, слава Богу, достаточно. Но я бы лучше общалась с людьми. Честно говоря, они оба кажутся вполне довольными; но всё же я думаю, что они просто привыкли к такому способу жизни. Человек ко всему привыкает, даже к виселице, как говорят ирландцы».

Сказав эту речь, миссис Рейчел сошла с тропинки на задний двор Зеленых крыш. Очень зеленый, аккуратный и чистый, этот двор с одной стороны был окружён большими патриархальными ивами, а с другой — тополями в форме пирамид. Ни пылинки, ни соринки не было на этом дворе, а миссис Рейчел, конечно, заметила бы их, если бы они там были. На самом деле, она считала, что Марилла Касберт подметает двор так же часто, как и дом. Можно было есть прямо с земли и не бояться за свой желудок.

Миссис Рэйчел громко постучала в дверь кухни и вошла, когда услышала ответ. Кухня в Зеленых крышах была веселым местом — точнее, была бы веселой, если бы там не было так идеально чисто, как в больничной приёмной. Её окна выходили на восток и на запад: из западного окна, выходящего на задний двор, в кухню проникали мягкие лучи июньского солнца; а через восточное окно, обвитое зелёным плющом, можно было увидеть вишневые деревья в саду, все в белых цветах, и чуть ниже — стройные березы, кивающие своими кронами в ложине у ручья. Здесь обычно и сидела Марилла Касберт, если она вообще присаживалась, всегда немного не доверяя солнечным лучам, которые, как ей казалось, слишком подвижны и безответственны для нашего мира, который нужно воспринимать всерьёз. И вот она сидела сейчас и вязала, а стол за её спиной уже был накрыт к ужину.

Миссис Рейчел, ещё и дверь не закрыла, а уже заметила все, что было на этом столе. Там стояло три тарелки, значит, Марилла ожидала ещё кого-то к чаю вместе с Мэтью; но сами блюда были повседневные: яблочное повидло и только один пирог, так что ожидаемый гость не был кем-то значительным. Но как же белый воротничок Мэтью и гнедая кобыла? Миссис Рейчел почувствовала, как у неё кружится голова от этой необычной тайны в тихом и совершенно не загадочном доме Зеленые крыши.

— Добрый вечер, Рэйчел, — сказала Марилла бодро. — Сегодня прекрасный вечер, не так ли? Не хотите ли присесть? Как там ваша семья?

Что-то похожее на дружбу (за неимением других определений), существовало между Мариллой Касберт и миссис Рейчел, несмотря на их непохожесть, а возможно и благодаря ей. Марилла была высокой, худой женщиной, с угловатой, без всяких изгибов, фигурой; темные волосы с несколькими седыми прядями всегда скручены в жесткий небольшой узел с неизменными двумя металлическими шпильками, торчащими из него. Она выглядела как женщина с консервативными взглядами и жесткими принципами; но было что-то в очертании ее губ, что позволяло предположить наличие у неё чувства юмора.

— У нас все хорошо, — сказала миссис Рейчел. — Я начала переживать по поводу вас, когда увидела, как Мэтью куда-то ехал сегодня. Я подумала, может быть, он едет к врачу.

Марилла понимающе улыбнулась. Она ожидала, что миссис Рейчел придёт всё разузнать, что вид проезжающего мимо Мэтью будет так необъясним для неё, что только разожжёт любопытство соседки.

— О, нет, я достаточно хорошо себя чувствую, хотя у меня ужасно болела голова вчера, — сказала она. — Мэтью поехал в Брайт Ривер. Мы берём мальчика из детского дома в Новой Шотландии, и он приезжает на поезде сегодня вечером.

Если бы Марилла сказал, что Мэтью уехал в Брайт Ривер, чтобы встретить кенгуру из Австралии — миссис Рейчел и то не была бы настолько удивлена. Она просто потеряла дар речи на несколько секунд. Было невозможно представить, что Марилла издевается над ней, но миссис Рейчел была почти уверена, что это глупая шутка.

— Вы это серьезно, Марилла? — спросила она, когда голос вернулся к ней.

— Да, конечно, — сказала Марилла, как будто брать мальчиков из детских домов в Новой Шотландии было обычным делом для любой приличной фермы в Эйвонли, а не странным новшеством.

Миссис Рейчел почувствовала себя растерянной. В мыслях её были сплошь восклицательные знаки: «Мальчик! Марилла и Мэтью Касберт берут себе мальчика! Из детского дома! Положительно, мир сошёл с ума! Её больше ничего не удивит после этого! Ничего!»

— Да как вам вообще пришла такая мысль в голову? — спросила она неодобрительно. Ведь это решение было принято без консультации с ней, значит, надо было показать своё недовольство.

— Ну, мы думали об этом некоторое время — точнее, всю зиму, — ответила Марилла. — Миссис Спенсер приезжала к нам перед Рождеством, и рассказала, что весной она собирается принять у себя в Хоуптоне маленькую девочку из приюта. Ее двоюродный брат живет в Хоуптоне, и миссис Спенсер навещала его и разузнала всё об этом. С тех пор мы с Мэтью только и говорили на эту тему. Мы решили, что возьмём мальчика. Мэтью уже в возрасте, вы знаете — ему за шестьдесят и он уже не так энергичен, как когда-то. И сердце его беспокоит. А вы знаете, как трудно найти хороших наемных работников. Тут можно нанять разве что глупых французских мальчишек; причём только кого-то возьмёшь и чему-то научишь — он сбежит на консервный завод или в Америку. Сначала Мэтью предложил взять английского мальчика. Но я

сказала — нет. — С ними может быть все в порядке, — я не отрицаю, но лондонские бродяжки не для меня, — сказала я.

Пусть будет хотя бы местный. В любом случае мы рискуем, независимо от того, кого мы возьмем. Но мне будет легче и я буду спокойнее спать, если мы примем канадского мальчика. В конце концов, мы решили попросить миссис Спенсер, чтобы она выбрала нам мальчика, когда поедет за своей маленькой девочкой. На прошлой неделе мы услышали, что она собирается ехать, поэтому мы передали через родственников Ричарда Спенсера в Кармоди нашу просьбу о том, чтобы она привезла нам умненького мальчика лет десяти — одиннадцати. Мы решили, что это будет оптимальный возраст — достаточно взрослый, чтобы помогать нам по дому и достаточно юный, чтобы его можно было правильно воспитать. Мы дадим ему крышу над головой и хорошее образование. Сегодня мы получили телеграмму от миссис Спенсер — почтальон принес её со станции — там указано, что они приедут на поезде в пять-тридцать сегодня вечером. Так что Мэтью отправился в Брайт Ривер, чтобы встретить мальчика. Миссис Спенсер высадит его на станции, а сама поедет до остановки Уайт Сэндс.

Миссис Рейчел гордилась тем, что всегда прямо высказывала свое мнение. Она собиралась сделать это и сейчас, т. к. уже определилась с отношением к этой удивительной новости.

— Что ж, Марилла, я просто скажу вам прямо, что я думаю, вы делаете большую глупость и очень рискуете. Вы ведь даже не знаете, кого берёте. Вы приглашаете чужого ребенка в свой дом, ничего не зная о нем, ни о его характере, ни о его родителях, ни о том, что из него получится. Только на прошлой неделе я прочитала в газете, как один мужчина и его жена с западной части острова взяли мальчика из приюта, так он поджег ночью дом — причём поджег *нарочно*, Марилла, и почти сжег их дотла в их собственных кроватях. А ещё знаю другой случай, когда приёмный мальчик съедал все сырые яйца и семья не могла ничего поделаться с этим. Если бы вы спросили моего совета в этом деле — чего вы не сделали, Марилла, я бы сказала: «Ради бога, даже не думайте об этом, вот так-то!»

Эта пылкая речь, казалось, ни обидела, ни встревожила Мариллу. Она продолжала вязать.

— Я не отрицаю, что частично вы правы, Рэйчел. Я немного сомневалась в этой затее. Но Мэтью очень хотел этого. Я уважаю его желание, поэтому приняла это. Так редко Мэтью чего-то по-настоящему хочет, что, когда он это делает, я чувствую, что мой долг — уступить. А по поводу риска — так риск есть в любом деле. Так же рискуют и семьи, когда рожают своих собственных детей. Если уж на то пошло — они тоже не всегда вырастают хорошими людьми. И потом, Новая Шотландия находится рядом с нашим островом. Было бы другое дело, если б мы брали мальчика из Англии или Америки. А этот ребёнок не может сильно отличаться от нас самих.

— Ну, я надеюсь, что все в будет порядке, — сказала миссис Рейчел тоном, явно указывавшем на её сильные сомнения в этом. — Только не говорите, что я вас не предупреждала, если он подождёт Зеленые крыши или отравит колодец — я слышала о таком случае в Нью-Брансуик, где приёмный ребенок сделал это, и вся семья погибла в страшных муках. Только это была девочка.

— Ну, мы же не берём девочку, — сказала Марилла, как будто отравление колодцев было чисто женским делом и не касалось мальчиков. — Я никогда не мечтала взять девочку на воспитание. Интересно, зачем миссис Спенсер это делает. Впрочем, она может взять себе весь детский приют, если такая мысль придёт ей в голову.

Миссис Рейчел хотелось бы остаться до приезда Мэтью с приёмным мальчиком. Но, сообразив, что это займёт по крайней мере два часа, она решила пойти к дому Роберта Белла и рассказать все новости. Это, безусловно, будет сенсацией, а миссис Рейчел очень любила делать сенсации. Итак, она ушла — к немалому облегчению Мариллы, которая за последний час почувствовала, что ее сомнения и страхи возрождаются под влиянием пессимизма миссис Рейчел.

— Вот это да! — воскликнула миссис Рейчел, когда вышла на тропинку. — Это действительно похоже на сон. Жалко мне этого бедного ребёнка. Мэтью и Марилла ничего не знают о детях, и они ожидают, что он будет мудрее и рассудительнее его собственного дедушки, если у него когда-либо был дедушка, что сомнительно. Кажется как-то странно думать о ребенке в Зеленых крышах — там никогда не было детей. Мэтью и Марилла были уже взрослыми, когда строился этот дом. Если они и были когда-нибудь детьми, то в это трудно поверить, когда смотришь на них. Я бы ни за что не хотела оказаться на месте этого сироты. Серьёзно, мне его жалко!

Так от всего сердца сказала миссис Рейчел кустам дикой розы. Но если б она могла видеть ребенка, который в это время терпеливо ждал на станции Брайт Ривер — ее жалость была бы еще больше.

Глава 2. Мэтью Касберт удивляется

Мэтью Касберт и гнедая кобыла неспешной трусой проехали восемь миль до Брайт Ривер. Дорога была хорошая, она проходила мимо аккуратных домиков, чередовавшихся с душистыми пихтами и

долинами, где цвели дикие сливы. Воздух был сладким от аромата яблоневых садов и лугов, исчезающих на горизонте в жемчужных и багряных сполохах; а

Маленькие птички пели «Тинь-тень»,
как будто раз в году был летний день.

Мэтью получал удовольствие от поездки, за исключением тех моментов, когда он встречал женщин и ему приходилось кивать им — на Острове Принца Эдуарда вы должны кивать всем встречным, независимо от того, знаете ли вы их или нет.

Мэтью боялся всех женщин, кроме Мариллы и миссис Рейчел; у него было неприятное ощущение, что эти загадочные существа тайно смеются над ним. Возможно, он был совершенно прав, считая так, потому что на вид он был довольно странным — с нескладной фигурой и длинными седыми волосами, спускающимися на его сутулые плечи, и пышной, мягкой тёмной бородой, которую он носил с тех пор, как ему исполнилось двадцать лет. На самом деле, он и в двадцать выглядел так же, как в шестьдесят, разве что без седых волос.

Когда он добрался до Брайт Ривер — поезда не было видно. Он подумал, что ещё слишком рано, поэтому привязал лошадь во дворе небольшого отеля Брайт Ривер и пошел к зданию станции. Длинная платформа почти пустовала, единственным живым существом была девочка, сидевшая на куче черепицы в самом её конце. Мэтью, едва заметив, что это девочка, бочком прошёл мимо нее как можно быстрее, не глядя в её сторону. Если бы он посмотрел туда, он вряд ли смог бы не заметить напряженную скованность и ожидание во всей её фигуре. Она сидела там, ожидая чего-то или кого-то, а так как сидеть и ждать было единственным её занятием, то она сидела и ждала изо всех сил.

Мэтью столкнулся со станционным смотрителем, который запирает кассу, чтобы успеть домой к ужину, и спросил его, скоро ли прибудет поезд, который по расписанию должен быть в пять тридцать.

— Этот поезд прибыл полчаса назад и отправился дальше, — ответил этот бойкий служащий. — Но там был пассажир, которого высадили для вас — это маленькая девочка. Она сидит вон там на черепице. Я спросил ее, не хочет ли она пойти в дамскую комнату для ожидания, но она очень серьезно сообщила мне, что предпочитает остаться снаружи. «Тут больше возможностей для воображения» — сказала она. Необычная девочка, должен признать.

— Я не ожидал девочку, — сказал Мэтью растеряно. — Я приехал за мальчиком. Он должен быть здесь. Миссис Спенсер обещала привезти его из Новой Шотландии.

Станционный смотритель присвистнул.

— Думаю, здесь какая-то ошибка, — сказал он. — Миссис Спенсер сошла с поезда с этой девочкой и поручила её мне, сказав, что вы и ваша сестра взяли ее из детского дома, и скоро за ней приедете. Вот и все, что я знаю об этом. И я не видел тут других детей-сирот.

— Я не понимаю, — сказал Мэтью беспомощно, желая, чтобы Марилла была рядом, чтобы помочь ему справиться с этой ситуацией.

— Ну, вы лучше спросите девочку, — сказал станционный смотритель небрежно. — Я думаю, что она в состоянии сама всё объяснить — язык у неё хорошо подвешен, это точно. Может быть, у них не было таких мальчиков, какие вам нужны.

Он быстро ушел, т. к. был голодным, а жаль, ведь Мэтью нужно было сделать то, что было труднее для него, чем навестить льва в его логове — подойти к девочке, чужой девочке — сироте, и спросить у неё, почему она не мальчик. Мэтью внутренне застонал, когда повернулся и побрел медленно по платформе прямо к ней.

Она наблюдала за ним с тех пор, как он прошел мимо нее, и смотрела на него и сейчас. Мэтью не смотрел на нее и не видел, какой она была на самом деле, но обычный наблюдатель увидел бы девочку лет одиннадцати, одетую в очень короткое, тесное, уродливое платье из желтовато — серой полушерстяной ткани. Она носила выцветшую коричневую матросскую шляпу, из под которой на спину спадали две ярко-рыжие косы. Ее лицо было маленьким, бледным и худым, с множеством веснушек, большим ртом и непонятного цвета глазами — они казались то зелеными, то серыми — в зависимости от освещения и настроения.

Всё это увидел бы обычный наблюдатель; а более внимательный человек мог бы заметить, что подбородок её чётко выраженный и решительный; что большие глаза полны воодушевления и жизнерадостности; что рот красиво очерченный и выразительный; а лоб — широкий и совершенный. Короче говоря, наш проникательный необыкновенный наблюдатель мог бы прийти к выводу, что удивительный дух живёт в теле этой бездомной девочки, которой стеснительный Мэтью Касберт так смехотворно боялся.

Мэтью, однако, был избавлен от испытания говорить первым, потому что, как только она поняла, что он идёт к ней, она встала, схватив одной тонкой смуглой рукой свой ветхий, старомодный саквояж; а другую она протянула ему.

— Я полагаю, вы мистер Мэтью Касберт из Зеленых крыш? — сказала она приятным, звонким голосом. — Я очень рада вас видеть. Я начала бояться, что вы не приедете за мной, и пыталась представить все, что могло случиться, чтобы помешать вам. Я решила, что, если вы не приедете за мной, я пойду по дороге к этой большой дикой вишне на повороте, залезу на неё, и останусь там на всю ночь. Я бы нисколько не боялась, и это было бы прекрасно — спать на дереве дикой вишни, в белых цветах и лунном свете, как вы думаете? Можно представить, что живешь в мраморном дворце, не так ли? И я была совершенно уверена, что вы приедете за мной утром, если бы вы не приехали сегодня вечером.

Мэтью неловко взял худую маленькую руку — тогда-то он и решил, что делать. Он не мог сказать этому ребенку с горящими глазами, что это ошибка; он заберёт ее домой, и пусть Марилла скажет ей. Так или иначе, он не может оставить её в Брайт Ривер, пусть даже и произошла ошибка. А все вопросы и объяснения могут быть отложены до их возвращения в Зеленые крыши.

— Я сожалею, что опоздал, — робко сказал он. — Пойдем. Лошадь во дворе. Дай мне свою сумку.

— О, я сама могу нести её, — сказала девочка весело. — Она не тяжелая. Я храню там все мои вещи, но она совсем не тяжелая. Её нужно нести определенным образом — а то ручка отваливается, так что лучше я буду сама держать её, потому что знаю, как. Это очень старая сумка. О, я очень рада, что вы приехали, хотя спать на дикой вишне тоже интересно. Нам далеко ехать, правда? Миссис Спенсер сказала, восемь миль. Я рада, потому что люблю ездить. О, так хорошо, что я буду жить с вами, и принадлежать вам. Я никогда не принадлежала никому — по-настоящему. Но самым худшим был детский дом. Я была там только четыре месяца, но этого достаточно. Я не думаю, что вы когда-нибудь были сиротой в детском доме, так что вы не можете понять, как это. Это хуже, чем вы можете себе представить. Миссис Спенсер сказала, что плохо так говорить, но я не имею в виду ничего плохого. Очень просто сделать что-то нехорошее, даже не зная об этом, правда? Вообще-то воспитатели в детском доме были хорошими. Но там было так мало возможностей для воображения — только про других сирот. Было довольно интересно воображать разные вещи о них — представить себе, что, возможно, девочка, которая сидела рядом — в действительности дочь графа, которая была украдена в младенчестве у своих родителей злой нянькой, умершей прежде, чем она смогла признаться. Раньше я не спала по ночам и представляла всякое, потому что у меня не было времени на это днём. Я думаю, я поэтому такая худая, ведь я очень худая, не так ли? Сплошные кости. Я люблю представлять, что я хорошенькая и пухленькая, с ямочками на локтях.

И тут спутница Мэтью перестала говорить, отчасти потому, что она запыхалась и отчасти потому, что они пришли к кабриолету. Ни слова она не сказала, пока они не покинули деревню и не поехали вниз по крутому небольшому холму. Дорога тут врезалась так глубоко в мягкий грунт, что края её, с бахромой из цветущих веток диких вишен и тонких белых берез, поднимались на несколько футов над их головами.

Девочка протянула руку и отломала ветку дикой сливы, которая задела кабриолет.

— Разве это не прекрасно? На что похоже это дерево, наклонившееся над дорогой, все в белых кружевах, как вы думаете? — спросила она.

— Ну, я не знаю, — сказал Мэтью.

— Конечно же, на невесту... Невесту, всю в белом, с прекрасной кружевной вуалью. Я никогда не видела невест, но я могу себе представить, как она будет выглядеть. Я такая некрасивая, что никто никогда не захочет жениться на мне, разве что иностранный миссионер. Я думаю, иностранные миссионеры не очень переборчивы. Но я надеюсь, что когда-нибудь у меня будет белое платье. Это моё самое заветное желание. Я просто очень люблю красивую одежду. И у меня никогда не было красивого платья, насколько я помню, но зато есть, о чем мечтать, правда? Я могу себе представить, что одета великолепно. Сегодня утром, когда я вышла из детского дома, мне было так стыдно, потому что я была одета в это ужасное старое платье из полушерстяной ткани. Понимаете, все сироты должны были носить такие платья. Один купец из Хоуптона прошлой зимой пожертвовал триста ярдов полушерстяной ткани для приюта. Некоторые люди говорили, что это потому, что он не мог продать её, но я скорее поверю, что это было из милосердия, как вы думаете? Когда мы сели в поезд, я чувствовала, как будто все жалеют меня, когда смотрят в мою сторону. Но я просто представила себе, что я одета в самое красивое голубое шелковое платье, потому что, если уж представлять, то что-то стоящее, и большую шляпу с цветами и перьями, и золотые часы, и лайковые перчатки, и сапоги. Я сразу повеселела, и всю наслаждалась моей поездкой на остров. У меня даже не было морской болезни на пароходе. И у миссис Спенсер тоже, хотя обычно ей плохо. Она сказала, что у неё не было времени болеть, т. к. она наблюдала, чтобы я не упала за борт. Она сказала, что никогда не видела такого беспокойного ребёнка, как я. Но если это защитило ее от морской болезни, то это же хорошо, что я такая беспокойная, правда? И я хотела увидеть все, что только возможно на этом пароходе, потому что я не знаю, будет ли у меня еще такая возможность. О, сколько тут вишневых деревьев в цвету! Этот Остров весь такой цветущий. Я уже люблю его, и я так рада, что я буду жить здесь. Я и раньше слышала, что остров Принца Эдуарда самое прекрасное место в мире, и я представляла себе, что я живу здесь, но я никогда не ожидала, что на самом деле приеду сюда. Это восхитительно, когда ваши мечты сбываются, правда? Но эти красные дороги такие

смешные. Когда мы сели на поезд в Шарлоттауне и стали проезжать красные дороги — я спросила миссис Спенсер, почему они красные, и она сказала, что не знает, и чтобы я, ради Бога, не задавала ей больше никаких вопросов. Она сказала, что я, должно быть, задала ей уже тысячу вопросов. Я думаю, она права, но как же узнать о разных вещах, если не задавать вопросы? А почему эти дороги красные?

— Ну, я не знаю, — ответил Мэтью.

— Что ж, это ещё одна из вещей, которые мне нужно узнать. Разве это не прекрасно, что существуют так много вещей, о которых можно узнать что-то новое? Вот почему я чувствую радость от жизни — ведь вокруг такой интересный мир. Было бы и вполнину не так интересно, если бы мы знали все обо всем, правда? Тогда не было бы никакой возможности для воображения, не так ли? Но я, наверное, слишком много говорю? Мне всегда делают замечание, что я слишком болтлива. Может, вы хотите, чтобы я помолчала? Если что — вы говорите, и я не буду болтать. Я могу помолчать, хотя это трудно.

Мэтью, к его собственному удивлению, получал удовольствие от её щебетанья. Как большинство тихих людей, он любил болтунов, если они были готовы говорить и не ожидали от него ответа. Но он никак не думал, что будет наслаждаться обществом маленькой девочки. Женщины были не очень приятны в общении, но девочки были ещё хуже. Он терпеть не мог, как они пробирались бочком мимо него, с робкими взглядами, как будто ожидали, что он проглотит их, если они отважатся сказать хоть слово. Это была обычная манера поведения хорошо воспитанной девочки из Эйвонли. Но эта веснушчатая колдунья была совсем другая, и, хотя ему было довольно трудно — с его медлительностью — успевать за её мыслями, он подумал, что ему «кажется, нравится её болтовня». Поэтому он сказал, как обычно, застенчиво:

— О, ты можешь говорить сколько хочешь. Я не возражаю.

— Ой, я так рада. Я знаю, что мы с вами подружимся. Это такое облегчение, говорить, когда хочется, и чтобы никто не указывал, что дети должны молчать. Мне это говорили миллион раз. И люди смеются надо мной, потому что я использую напыщенные слова. Но если у вас есть возвышенные идеи, то вы должны использовать особые слова, чтобы выразить их, не так ли?

— Ну, это представляется разумным, — сказал Мэтью.

— Миссис Спенсер сказала, что на мой язык должен быть подвешен замок. Но так не получится. Мой язык закреплен только на одном конце. Миссис Спенсер сказала, что ваш дом называли Зелёные крыши. Я её спрашивала об этом. Она сказала, что вокруг дома растёт много деревьев. Я очень обрадовалась. Я ведь так люблю деревья. А их вообще не было вокруг детского дома, только несколько бедных маленьких кустиков перед входом, за белым заборчиком. Они сами выглядели, как сиротки, эти бедные растения. Мне хотелось плакать, когда я смотрела на них. Я говорила им: «О, мои бедные! Если бы вы росли в большом — пребольшем лесу с другими деревьями рядом, а пушистый мох и колокольчики росли у ваших корней, и мимо протекал ручеёк, и птички пели в ваших ветвях, то вы бы разрослись, правда? Но вы не можете расти там, где находитесь. Я знаю, что вы чувствуете, маленькие мои». Мне было жаль покидать их сегодня утром. Люди привязываются к таким вещам, не так ли? А рядом с Зелеными крышами есть ручей? Я забыла спросить миссис Спенсер об этом.

— Да, есть, сразу за домом.

— Замечательно! Я всегда мечтала жить рядом с ручьем. Но никогда не думала, что моя мечта сбудется. Мечты не часто сбываются, правда? Но было бы неплохо, если бы они сбывались? Но сейчас я чувствую себя почти счастливой. Правда, я не могу чувствовать себя совсем счастливой, потому что — ну, вот какого цвета это, как вы думаете?

Она перекинула одну из её длинных блестящих кос через худое плечо и показала Мэтью. Мэтью не привык определять оттенки дамских локонов, но в этом случае не могло быть сомнений.

— Это рыжий, не так ли? — сказал он.

Девочка опустила косу со вздохом, который, казалось, исходил из самой глубины её сердца и выражал всю мировую скорбь.

— Да, это рыжий, — сказала она безропотно. — Теперь вы понимаете, почему я не могу быть совершенно счастлива? И никто не смог бы, у кого есть рыжие волосы. Я не возражаю против других вещей — веснушек, зеленых глаз, и того, что я такая худая. Я могу представить, что их нет, что у меня цвет лица, как лепестки розы, а глаза, как фиолетовые звёзды. Но я не могу себе представить, что у меня волосы другого цвета. Я пытаюсь. Я думаю про себя: «Теперь мои волосы черные, как воронье крыло». Но все это время я знаю, что они просто рыжие и это разбивает мое сердце. Это мой пожизненный крест. Я однажды читала в романе о девушке, которая всю жизнь страдала, но не от рыжих волос. Ее волосы были, как чистое золото на алебастровом лбу. Что такое алебастровый лоб? Я никогда не могла понять. Вы можете мне объяснить?

— Боюсь, что не могу, — сказал Мэтью, у которого начала кружиться голова. Он чувствовал себя, как в молодости, когда другой мальчик заманил его на карусель во время пикника.

— Ну, тогда это, должно быть, что-то хорошее, потому что она была божественно красива. Вы когда-нибудь думали, что должен чувствовать человек, который божественно красив?

— Честно говоря, нет, — признался простодушно Мэтью.

— А я — да, очень часто. Что бы вы предпочли, если бы у вас был выбор: быть божественно красивым, удивительно умным или ангельски добрым?

— Хм — я точно не знаю.

— Я тоже. Я никак не могу решить, но это не имеет значения, потому что я вряд ли я когда-нибудь буду такой. И я уверена, что никогда не буду ангельски доброй. Миссис Спенсер говорит —... О, мистер Касберт! О, мистер Касберт!! О, мистер Касберт!!!

Это не были слова миссис Спенсер и девочка не вывалилась из повозки, и Мэтью не сделал ничего удивительного. Они просто проехали поворот и оказались на Бульваре.

"Бульвар", так его называли люди в Ньюбридже, это участок дороги длиной в четыре или пять сотен ярдов, над которым протянули свои ветви огромные, широко разросшиеся яблони, посаженные много лет назад эксцентричным старым фермером. Над головой был один длинный навес из белоснежных ароматных цветов. Под ним воздух был полон фиолетового сияния, а далеко впереди сверкало небо, окрашенное закатом, как витражное окно в соборе.

Эта красота, казалось, заставила девочку онеметь. Она откинулась на спинку кабриолета, скрестила свои худенькие руки и восторженно смотрела вверх на белое величие. Даже когда они проехали Бульвар, и ехали по длинному склону Ньюбриджа, она продолжала сидеть неподвижно и молчать. С не менее восторженным лицом она смотрела вдаль, на закат солнца, и в её глазах проносились чудесные видения на этом светящемся фоне. Через Ньюбридж, шумную небольшую деревню, где лаяли собаки, кричали дети, и любопытные лица выглядывали из окон, они проехали всё ещё молча. И спустя три мили девочка не сказала ни слова. Очевидно, она могла молчать так же энергично, как и говорить.

— Мне кажется, ты устала и проголодалась, — осмелился наконец сказать Мэтью, предположив, что это было единственной причиной её молчания. — Но нам уже осталось немного проехать, всего около мили.

Девочка глубоко вздохнула и посмотрела на него мечтательным взглядом, как будто вернувшимся из просторов Вселенной.

— Ох, мистер Касберт! — прошептала она. — Это место, которое мы проезжали — белое место — что это было?

— Ты, наверное, имеешь в виду Бульвар, — сказал Мэтью после нескольких секунд раздумья, — это действительно милое место.

— Милое? О, слово *милое* не совсем подходит для этого места. И *прекрасное* тоже не подходит. Скорее *чудесное* — самое подходящее. Это место — единственное из всех, которые я видела в своей жизни, которое нельзя вообразить ещё чудеснее. Оно вызвало радость вот здесь, — она приложила руку к груди, — это вызвало даже боль, и все же это была приятная боль. У Вас когда-либо была такая боль, мистер Касберт?

— Честно говоря, я не могу припомнить.

— А у меня много раз — всегда, когда я вижу что-либо по-настоящему красивое. Но нельзя называть это прекрасное место Бульвар. Это название ничего не выражает. Нужно назвать его — дайте мне подумать — Белая Дорога Восхищения. Разве не хорошее образное название? Когда мне не нравится название места или имя человека, я всегда придумываю новое и всегда их так называю. Была одна девочка в детском доме, которую звали Хепзиба Дженкинс, но я всегда называла её Розалией Де Вер. Другие люди могут называть это место Бульваром, но я буду всегда называть его Белой Дорогой Восхищения. Нам действительно осталось проехать только мило до дома? Я рада, и вместе с тем я сожалею. Я сожалею, потому что эта поездка была так приятна, а я всегда сожалею, когда приятные вещи заканчиваются. Что-то приятное может случиться и потом, но Вы никогда точно не знаете. И так часто происходит, что это может быть не совсем приятное событие. Я знаю по своему опыту. Но я рада, что мы едем домой. Видите ли, у меня никогда не было настоящего дома, насколько я могу помнить. И у меня опять возникает эта приятная боль, когда я думаю, что еду в действительно настоящий дом. О, разве это не прекрасно?!

Они приехали вершину холма. Ниже был пруд, похожий на реку — такой длинный и широкий он был. Мост пересекал его посередине и с моста до того места, где янтарная гряда дюн отделяла пруд от темно-синего залива, вода была словно палитрой многих перетекающих оттенков — от полупрозрачных шафранных и нежно-зеленых до других неуловимых цветов, которым невозможно подобрать название. Выше моста пруд был окаймлен рощами елей и кленов, и мерцал тёмной водой в колеблющихся тенях. Тут и там виднелась дикая слива, склонившаяся к воде, словно девушка в белом, которая любит собственным отражением. Из болота сверху водоема доносился звонкий, печально — сладкий хор лягушек. Маленький серый домик выглядывал из белого яблоневого сада на склоне над прудом, и хотя еще не было очень темно, свет горел в одном из его окон.

— Это — пруд Барри, — сказал Мэтью.

— Нет, это имя мне тоже не нравится. Я буду называть его — дайте подумать — Озеро Мерцающих Вод. Да, это правильное название. Я знаю это по мурашкам. Когда я подбираю правильное название, которое

подходит точно, у меня бегут мурашки по коже. У вас что-нибудь вызывает мурашки?

Мэтью размышлял.

— Наверное, да. У меня всегда бегут мурашки по коже, когда я вижу уродливых белых личинок, которые ползают в грядках огурцов. Я их терпеть не могу.

— О, я не думаю, что это можно сравнивать. Или вы думаете, что можно? Кажется, нет ничего похожего между личинками и озерами мерцающих вод, не так ли? Но почему другие люди называют этот пруд прудом Барри?

— Я думаю, потому что мистер Барри живет там в своём доме. Садовый Склон — так называется это место. Если бы не было того большого кустарника позади него, ты бы увидела Зеленые Крыши. Но мы должны проехать через мост и кружной дорогой, и это ещё около полмили.

— А есть у мистера Барри маленькие девочки? Ну, не так чтобы очень маленькие — моего возраста?

— У него есть дочь, приблизительно одиннадцати лет. Ее зовут Диана.

— О! — сказала она с глубоким вздохом. — Какое прекрасное имя!

— Я в этом не уверен. Есть что-то ужасно языческое в этом имени, как мне кажется. Я бы предпочёл имя Джейн или Мэри или любое другое разумное имя. Но когда Диана родилась, у них жил учитель, и они предоставили ему выбрать имя, так он и назвал ее Дианой.

— Жаль, что не было такого учителя, когда я родилась. О, мы уже на мосту. Я крепко зажмурюсь. Я всегда боюсь переезжать через мосты. Я не могу заставить себя не думать, что, возможно когда мы до едем до середины, он сложится как складной нож и прищемит нас. Поэтому я закрываю глаза. Но я всегда открываю их на середине. Потому что, если бы мост **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** рушился, то я хотела бы **ВИДЕТЬ**, как он рушится. С каким веселым грохотом он это делает! Мне всегда нравился такой грохот. Разве это не здорово, что есть столько вещей в этом мире, которые можно любить? Мы уже проехали — теперь я оглянусь назад. Спокойной ночи, дорогое Озеро Мерцающих Вод. Я всегда желаю спокойной ночи вещам, которые люблю, как и людям, я думаю, что им это нравится. Эта вода словно улыбалась мне.

Когда они проехали следующий холм, за поворотом Мэтью сказал:

— Мы довольно близко от дома. Зелёные Крыши вон...

— О, не говорите мне, — она прервала его, затаив дыхание, ухватившись за его приподнятую руку и закрыв глаза, чтобы не видеть, куда он показывает. — Позвольте мне предположить. Я уверена, что угадаю.

Она открыла глаза и посмотрела вокруг. Они были на вершине холма. Солнце уже село, но окрестности были все еще видны в мягком послезакатном свете. На западе темный церковный шпиль высился на фоне оранжевого неба. Ниже была небольшая долина, а за ней — мягкий покатый склон с аккуратными фермами, разбросанными по нему. Глаза девочки перебежали от одного домика к другому, быстро и задумчиво. Наконец они задержались на одном из них, слева от дороги, смутно белевшем в цветущих деревьях и сумерках окружающих лесов. Над ним, в юго-западной стороне безоблачного неба, сияла большая хрустально-белая звезда, как фонарь, укзывающий путь одинокому страннику.

— Вот этот, правда? — сказала она, указывая на дом.

Мэтью восхищенно хлестнул вожжами по спине гнедой кобылы.

— Ты угадала! Но я думаю, что миссис Спенсер описала его, потому ты смогла угадать.

— Нет, она не описывала, действительно не описывала. Все, что она сказала, можно сказать и о других местах. У меня не было представления, на что он похож. Но сразу же, как только я увидела его, я почувствовала, что это тот самый дом. О, мне кажется, как будто я во сне. Знаете, моя рука должна быть вся в синяках, поскольку я щипала себя много раз сегодня. Очень часто, у меня было ужасное отвратительное чувство, что это всё происходит только в моих мечтах. Тогда я щипала себя, чтобы убедиться, что это правда — пока внезапно не вспомнила, что даже если это только сон, я должна спать и находиться в нём как можно дальше, поэтому я прекратила щипать себя. Но это не сон, и мы уже почти дома.

Со вздохом восторга она вновь замолчала. Мэтью тревожно заёрзал на сиденье. Он был рад, что это Марилла, а не он, должна сказать этой бездомной девочке, что дом, в котором она так хотела жить, не будет ее домом. Они проехали Долину Линд, где было уже довольно темно, но не настолько, чтобы миссис Рэйчел не могла заметить их из своего окна, и потом по холму и длинной тропинке завернули к Зеленым Крышам. К тому времени, когда они достигли дома, Мэтью всё больше хотел избежать приближающегося открытия печальной правды с чувством, которого он не понимал. Это не имело отношения к Марилле, или к нему лично, или к проблемам, которые эта ошибка, вероятно, вызовет, его больше всего страшило разочарование ребенка. Когда он думал о том, что восхищение погаснет в глазах девочки, у него было неприятное чувство, что он собирался помочь в убийстве кого-то — почти такое же чувство, которое возникало, когда он должен был убить ягненка или теленка или любое другое невинное маленькое существо.

Двор был довольно темным, когда они въехали в него, и листья тополя тихо шелестели вокруг.

— Послушайте, как деревья говорят во сне, — прошептала девочка, когда Мэтью помог ей спуститься с кабриолета. — Какие хорошие сны они должны видеть!

Затем, крепко держа саквояж, который содержал в себе "все ее богатства", она последовала за ним в дом.

Глава 3. Марилла Касберт удивляется

Марилла торопливо вышла к ним, когда Мэтью открыл дверь. Но когда ее взгляд упал на странную маленькую фигурку в тесном, уродливом платье, с длинными рыжими косами и радостно сияющими глазами, она остановилась в изумлении.

— Мэтью Касберт, кто это? — воскликнула она удивлённо. — А где мальчик?

— Не было никакого мальчика, — сказал расстроено Мэтью. — Там была только она.

Он кивнул на девочку, вспомнив, что даже не спросил ее имя.

— Нет мальчика! Но должен быть мальчик, — настаивала Марилла. — Мы просили миссис Спенсер привезти мальчика.

— Ну, она этого не сделала. Она привезла ее. Я спросил станционного смотрителя. И мне пришлось привезти ее домой. Я не мог оставить ее на станции, хоть и произошла ошибка.

— Ну и дела! — воскликнула Марилла.

Во время этого диалога ребенок молчал, ее глаза перебегали от одного к другому, все эмоции отображались на её лице. Внезапно она, казалось, уловила смысл сказанного. Уронив свой драгоценный саквояж, она сделала шаг вперед и всплеснула руками.

— Вы не хотите брать меня! — воскликнула она. — Вы не хотите брать меня, потому что я не мальчик! Я могла бы это предвидеть. Никто никогда не хотел брать меня. Я должна была знать, что все это было слишком прекрасно, чтобы быть правдой. Мне следовало знать, что на самом деле я никому не нужна. Ох, что мне делать? Я собираюсь разрыдаться!

И она разрыдалась. Упав на стул возле стола, она сложила руки, уткнулась в них лицом и расплакалась. Марилла и Мэтью растерянно переглянулись через печку. Ни один из них не знал, что сказать или сделать. Наконец Марилла нерешительно шагнула к ней.

— Ну, ну, не надо так плакать.

— Нет, надо! — Девочка быстро подняла голову, показывая заплаканное лицо и дрожащие губы. — Вы бы плакали тоже, если б были сиротой и приехали в место, где, как вы думали, будет ваш дом, и обнаружили, что вас не хотят брать, потому что вы не мальчик. Ох, это самая трагическая вещь, которая когда-либо со мной случалась!

Что-то вроде слабой улыбки, заржавевшей от длительного бездействия, смягчило мрачное выражение лица Мариллы.

— Ну, не плачь больше. Мы не собираемся выставлять тебя на улицу на ночь глядя. Тебе придется остаться здесь, пока мы не выясним, в чём дело. Как тебя зовут?

Девочка заколебалась на мгновение.

— Можете называть меня Корделия? — спросила она умоляюще.

— Корделия? Это твое имя?

— Не-е-ет, это не совсем мое имя, но я бы с удовольствием звалась Корделией. Это такое шикарное имя.

— Я не понимаю, что конкретно ты имеешь в виду. Если Корделия не твоё имя, то как тебя зовут?

— Энн Ширли, — неохотно сказала владелица этого имени, — но, пожалуйста, называйте меня Корделия. Ведь не имеет значения, как меня зовут, если я останусь у вас ненадолго, правда? И Энн — это такое неромантическое имя.

— Романтическое— неромантическое— это чепуха! — сказала строго Марилла. — Энн — очень хорошее, обычное, разумное имя. Тебе не нужно стыдиться его.

— О, я не стыжусь его, — объяснила Энн, — только Корделия мне кажется лучше, я всегда хотела, чтобы меня звали Корделия, по крайней мере, в последние годы. Когда я была младше, я хотела быть Джеральдиной, но Корделия мне нравится больше. Но если вы будете называть меня Энн, пожалуйста, говорите Энн, а не Энни.

— Какая разница, так или этак? — спросил Марилла с той же смутной улыбкой, берясь за чайник.

— О, большая разница. Энн звучит гораздо приятнее. Когда вы слышите, как имя произносится, разве вы не видите его в уме, как если бы оно было напечатанным? Энни выглядит ужасно, но Энн гораздо более значительно. Если вы будете называть меня только Энн, а не Энни, я постараюсь примириться с тем, что меня не зовут Корделией.

— Очень хорошо. Тогда, Энн, а не Энни, ты можешь рассказать нам, как произошла эта ошибка? Мы посылали миссис Спенсер за мальчиком. Или в детском доме не было мальчиков?

— О, там их было даже слишком много. Но миссис Спенсер отчетливо сказала, что вы хотели девочку лет одиннадцати. И заведующая сказала, что я подойду. Вы не знаете, с каким восторгом я приняла эту

новость. Я не могла спать всю ночь от радости. О! — добавила она укоризненно, обращаясь к Мэтью, — почему вы не сказали мне на станции, что не хотите меня, и не оставили меня там? Если бы я не увидела Белую Дорогу Восхищения и Озеро Мерцающих Вод, мне не было бы сейчас так трудно.

— Что за места она имеет в виду? — требовательно спросила Марилла у Мэтью.

— Она просто вспоминает наш разговор в дороге, — сказал Мэтью поспешно. — Я пойду займусь лошадью, Марилла. Приготовь чай к моему возвращению.

— Разве миссис Спенсер больше никого не везла, кроме тебя? — продолжила спрашивать Марилла, когда Мэтью вышел.

— Она взяла Лили Джонс для себя. Лили всего пять лет, и она очень красивая, у неё каштановые волосы. Если бы я была очень красивой и у меня были бы каштановые волосы — вы бы взяли меня?

— Нет, мы хотели взять мальчика, чтобы он помогал Мэтью на ферме. От девочки нам нет никакой пользы. Сними шляпу. Я положу её и твою сумку на столе в коридоре.

Энн покорно сняла шляпу. Мэтью вернулся в дом, и они сели ужинать. Но Энн не могла есть. Напрасно она щипала хлеб с маслом и клевала яблочное повидло из маленькой стеклянной вазочки возле её тарелки. Она никак не продвинулась в этом деле.

— Ты ничего не ешь, — резко сказала Марилла, разглядывая ее, как будто это было серьезным недостатком.

Энн вздохнула.

— Я не могу. Я в глубоком отчаянии. Можете ли вы есть, когда находитесь в глубоком отчаянии?

— Я никогда не была в глубоком отчаянии, поэтому не могу сказать, — ответила Марилла.

— Никогда не были? Ну, хотя бы пробовали когда-нибудь представить, что вы в глубоком отчаянии?

— Нет, не пробовала.

— Тогда я не думаю, что вы можете понять, что это такое. Это правда очень неприятное чувство. Когда пытаешься есть — но кусок не лезет в горло, и вы ничего не можете глотать, даже если это конфеты. Я один раз ела шоколадную конфету два года назад, и это было просто восхитительно. Мне часто снилось с тех пор, что у меня много шоколадных конфет, но я всегда просыпаюсь, как только собираюсь съесть их. Я надеюсь, вы не обидитесь, что я не могу есть. Все очень вкусно, но я все равно не могу ничего съесть.

— Я думаю, что она устала, — сказал Мэтью, который молчал с тех пор, как вернулся из конюшни. — Лучше уложи ее в постель, Марилла.

Марилла как раз думала о том, где устроить Энн на ночь. Она подготовила кушетку в каморке возле кухни для желанного и ожидаемого мальчика. Но, хотя каморка эта была опрятной и чистой, похоже, она не совсем подходила для того, чтобы уложить спать там девочку. И комната для гостей тоже не подходила для этого бездомного ребёнка, так что оставалась только комната на крыше в восточной части дома. Марилла зажгла свечу и велела Энн следовать за ней, что та и сделала, забрав свою шляпу и саквояж со стола в коридоре. Коридор был пугающе чистым; а маленькая комната, в которой они вскоре оказались — казалась еще чище.

Марилла установила свечу на треугольный столик на трех ножках, и расстелила постель.

— Я полагаю, у тебя есть ночная рубашка? — спросила она.

Энн кивнула.

— Да, у меня есть две — воспитательница в детском доме пошила их для меня. Они очень маленькие. В детском доме всегда всего не хватает, так что вещи всегда маловаты, по крайней мере, в таком бедном детском доме, как наш. Я ненавижу маленькие ночные рубашки. Но можно спать в них так же хорошо, как и в прекрасных длинных ночных рубашках, с оборками вокруг шеи. Хоть это является утешением.

— Ну, раздевайся скорее и ложись спать. Я вернусь через несколько минут, чтобы погасить свечу. Я не могу доверить тебе её погасить, а то ещё устроишь пожар.

Когда Марилла ушла, Энн тоскливо огляделась вокруг. Выбеленные стены были такими болезненно голыми, что глядя на них, она думала, что они сами должны страдать от собственной наготы. Пол был тоже голым, хотя в середине его лежал круглый плетеный коврик. Таких ковриков Энн никогда не видела раньше. В одном углу стояла кровать, высокая и старомодная с четырьмя темными столбиками. В другом углу был уже упомянутый треугольный столик, украшенный пухлой подушечкой для булавок из красного бархата, достаточно плотной для самых острых булавок. Над ним висело маленькое, шесть на восемь дюймов, зеркало. Между столиком и кроватью находилось окно, с белоснежной муслиновой занавеской сверху, а напротив него стоял умывальник. Вся комната была такой суровой, что не описать словами, и эта холодность пробрала Энн до мозга костей. С рыданием она поспешно сняла свою одежду, надела тесную ночную рубашку и прыгнула в кровать, где зарылась лицом в подушку и натянула одеяло на голову. Когда Марилла пришла за свечой, лишь скудные предметы одежды, разбросанные по полу и смятая постель были единственными признаками чьего-либо присутствия в комнате.

Она неспешно взяла одежду Энн, сложила её аккуратно на чопорный желтый стул, а затем, взяв свечу,

подошла к кровати.

— Спокойной ночи, — сказала она, немного неловко, но доброжелательно.

Бледное лицо и большие глаза внезапно появились над одеялом.

— Как вы можете желать мне спокойной ночи, когда знаете, что это будет худшая ночь в моей жизни? — укоризненно спросила Энн.

Затем она снова нырнула под одеяло.

Марилла медленно пошла на кухню и начала мыть посуду, оставшуюся после ужина. Мэтью курил, что было верным признаком его смущения. Он редко курил, потому что Марилла была против этой его вредной привычки. Но иногда ему хотелось покурить и Марилла закрывала на это глаза, понимая, что время от времени мужчина должен иметь некоторую свободу.

— Ну и дела! — гневно сказала она. — Вот что происходит, когда просишь о чём-то других вместо того, чтобы сделать самому. Родственники Ричарда Спенсера что-то напутали с нашей просьбой. Один из нас должен будет поехать завтра к миссис Спенсер. Эту девочку нужно отправить обратно в детский дом.

— Да, я тоже так думаю, — сказал Мэтью неохотно.

— Ты так думаешь?! Разве ты не уверен в этом?

— Ну, она действительно милый ребёнок, Марилла. Немного жалко отправлять ее обратно, когда она так хочет остаться здесь.

— Мэтью Катберт, ты же не хочешь сказать, что мы должны оставить ее у себя?!

Изумление Мариллы не могло бы быть большим, даже если бы Мэтью выразил желание стоять на голове.

— Ну, теперь, нет, я полагаю, точно нет, — заикался Мэтью, загнанный в угол этим вопросом. — Я полагаю, — вряд ли кто-то может от нас ожидать, что мы оставим её.

— Конечно, нет. Что за толк нам будет от неё?

— Может, ей будет толк от нас, — сказал Мэтью внезапно.

— Мэтью Касберт, я считаю, что этот ребенок околдовал тебя! Я ясно вижу, что ты хочешь оставить ее.

— Ну, она действительно забавная, — настаивал Мэтью. — Ты бы слышала, что она говорила, когда мы ехали со станции.

— О, она может болтать без умолку. Я сразу это увидела. Это не свидетельствует, однако, в её пользу. Я не люблю детей, которые так много говорят. Я не хочу брать девочку из детского дома, но даже если б хотела — я бы не выбрала её. Я чего-то не понимаю в ней. Нет, нужно отправить её обратно.

— Я мог бы нанять французского мальчика, чтобы помогал мне, — сказал Мэтью, — а она будет компаньонкой для тебя.

— Мне не нужна компаньонка, — сказала Марилла. — И я не собираюсь оставлять ее.

— Ну, хорошо, как скажешь, Марилла, — сказал Мэтью, поднимаясь и откладывая трубку. — Я иду спать.

Мэтью ушёл. После того, как она вымыла посуду, пошла спать и Марилла, решительно нахмутив брови. А наверху, в восточной комнате на крыше, одинокий, нуждающийся в участии и любви ребенок, плакал во сне.

Глава 4. Утро в Зелёных крышах

Уже рассвело, когда Энн проснулась и села в кровати, смущенно глядя в окно, через которое лился поток весёлого солнечного света, и было видно, как что-то белое и пушистое парило в ярко-голубом небе.

В первое мгновение она не могла вспомнить, где находится. Сначала она почувствовала восхитительный трепет, как будто случилось что-то очень приятное; а потом пришло ужасное воспоминание — она в Зелёных крышах, и её не хотят брать, потому что она не мальчик!

Но было утро, а за окном цвела вишня. Энн выпрыгнула из кровати и подбежала к окну. Она толкнула створку — она поддалась со скрипом, как будто не открывалась очень долго, что, впрочем, так и было; она застряла так крепко, что нужно было приложить усилия, чтобы открыть ее.

Энн упала на колени, вглядываясь в июньское утро, глаза её блестели от восторга. О, разве тут не красиво? Разве это не прекрасное место? Пусть даже она не останется здесь, она представит, что останется. Тут есть возможность помечтать.

Большая вишня росла за окном, так близко, что ветви её касались дома, и она была так плотно усыпана цветами, что даже листьев не было видно. С обеих сторон от дома был большой фруктовый сад, где росли и яблони и вишневые деревья, все в цветах; а трава под ними была усыпана одуванчиками. В саду на склоне росла сирень, вся в гроздьях фиолетовых цветов, и их головокружительно сладкий аромат доносился с утренним ветром из окна.

За садом виднелось зеленое поле, покрытое пышным клевером. Оно простиралось к долине, где бежал

ручей и множество белых берез беззаботно росло в подлеске, наводящем на мысль о восхитительном отдыхе среди папоротников, мхов и лесных растений. За долиной был холм, зеленый и пушистый от елей и пихт; а дальше виднелся просвет, в который выглядывала серая крыша домика, который Энн раньше заметила на другой стороне Озера Мерцающих Вод.

Слева были большие амбары и за ними спускались вниз к игристому синему сверкающему морю зеленые поля.

Глаза Энн, чувствительные ко всему прекрасному, задержались на этой красоте, жадно впитывая всё, что было перед ней. Она видела много неприятных мест в своей жизни, бедняжка. Но это прекрасное место превосходило самые смелые её мечты.

Она стояла на коленях, забыв обо всем, кроме очарования, окружавшего её, пока не почувствовала чью-то руку на своём плече. Марилла прервала её мечтания.

— Пора бы одеться, — коротко сказала она.

Марилла действительно не знала, как разговаривать с ребенком, и неудобное ей самой незнание делало ее строгой и решительной помимо её воли.

Энн встала и глубоко вздохнула.

— О, разве это не замечательно? — сказала она, указывая рукой на чудесную картину за окном.

— Это большое дерево, — сказал Марилла, и оно красиво цветёт, но даёт плохие плоды — маленькие и червивые.

— О, я имею в виду не только дерево; конечно, оно прекрасно — *чарующе* прекрасно — оно цветет так, как будто это самое важное занятие на свете — но я имела в виду все: и сад, и деревья, и ручей, и лес, — весь этот прекрасный мир. Вы не чувствуете в такое утро, что любите весь мир? И я могу услышать, как ручей смеется неподалеку. Вы когда-нибудь замечали, что ручьи очень веселые существа? Они всегда смеются. Даже в зимнее время я слышала их смех подо льдом. Я так рада, что в Зеленых крышах есть ручей. Возможно, вы думаете, что это не имеет значения для меня, раз вы не собираетесь оставлять меня, но это не так. Я всегда буду вспоминать, что есть ручей возле Зеленых крыш, даже если никогда не увижу его снова. Если бы здесь не было ручья, меня бы *преследовало* неприятное чувство, что он там должен быть. Я не в полном отчаянии сегодня утром. Я никогда не отчаиваюсь по утрам. Разве это не прекрасно, что есть утро? Но мне очень грустно. Я просто воображала, что вы действительно хотели именно меня и я останусь здесь навсегда. Было большим утешением это представлять. Но хуже всего, что приходит время, когда нужно остановиться в своих мечтах и это больше всего.

— Ты бы лучше оделась, спустилась по лестнице, и прекратила мечтать, — сказала Марилла, как только смогла вставить слово. — Завтрак ждет. Умойся и расчеши волосы. Оставь окно открытым и застели свою постель. И побыстрее.

Энн, очевидно, могла быть быстрой, когда необходимо, поэтому она спустилась по лестнице через десять минут, аккуратно одетая, с причёсанными и заплетёнными волосами и умытым лицом, при этом душу её наполняло приятное сознание, что она выполнила все требования Мариллы. Единственное, что она забыла — это застелить постель.

— Я довольно голодна сегодня утром, — объявила она, как только проскользнула на стул, приготовленный для нее Мариллой. — Мир не кажется такой ужасной пустыней, как это было прошлой ночью. Я так рада, что сегодня солнечное утро. Но я люблю и дождливые утра тоже. Любое утро интересно по-своему, правда? Вы не знаете, что случится через день, и поэтому так много возможностей для воображения. Но я рада, что сегодня утро не дождливое, потому что легче быть веселым и не унывать в солнечный день. Я чувствую, что мне сегодня многое предстоит перенести. Хорошо читать о чужих горестях и представлять, что ты можешь героически их преодолеть, но это не так приятно, когда случается на самом деле, не так ли?

— Ради Бога, помолчи хоть немного, — сказала Марилла. — Ты говоришь слишком много для маленькой девочки.

После этого Энн прикусила язык так послушно и тщательно, что наступившая тишина заставила Мариллу нервничать, как что-то не совсем естественное. Мэтью также молчал, — но это было естественно, так что завтрак проходил в полном молчании.

Чем дольше это длилось, тем больше Энн становилась все более и более рассеянной, ела механически, а её большие глаза неуклонно, невидящим взглядом смотрели на небо за окном. Это заставило Мариллу ещё больше нервничать; у неё было неприятное чувство, что в то время, как тело этого странного ребенка сидит за столом, его душа находится на крыльях воображения где-то далеко в воздушном мире грез. Кто хотел бы иметь в доме такого ребенка?

Тем не менее, Мэтью хотел оставить её, вот что необъяснимо! Марилла чувствовала, что он хочет этого сегодня утром так же сильно, как и накануне вечером, и собирается и дальше хотеть этого. Это было в стиле Мэтью — вбить себе в голову какую-то прихоть, и цепляться за неё с удивительной тихой настойчивостью —

настойчивостью в десять раз более мощной и действенной из-за его молчания, чем если бы он говорил об этом постоянно.

Когда завтрак закончился, Энн вышла из задумчивости и предложила вымыть посуду.

— Ты можешь помыть посуду, как надо? — спросила Марилла недоверчиво.

— Думаю, да. Хотя я лучше присматриваю за детьми. У меня большой опыт в этом деле. Жалко, что у вас нет детей, за которыми надо смотреть.

— А я бы не хотела, чтобы тут было больше детей, чем сейчас. Если честно, с тобой одной достаточно проблем. И что с тобой делать, я даже не знаю. Мэтью такой чудак.

— А я думаю, что он прекрасный человек, — сказала Энн укоризненно. — Он очень приветливый. И не возражал, что я так много говорила — ему, казалось, даже нравилось это. Я поняла, что мы с ним родственные души, как только увидела его.

— Вы оба достаточно странные, если это то, что ты имела в виду, говоря о родственных душах, — ворчливо сказала Марилла. — Хорошо, можешь помыть посуду. Возьми много горячей воды, и убедись затем, что ты хорошо высушила её. У меня и так достаточно работы с утра, а потом мне придется съездить в Уайт-Сэндс во второй половине дня и навестить миссис Спенсер. Ты поедешь со мной, и мы решим, что с тобой делать. После того, как закончишь мыть посуду, поднимись в свою комнату и застели кровать.

Энн вымыла посуду достаточно ловко, что не осталось незамеченным Мариллой. Позже она застелила кровать, правда, менее успешно, потому что никогда не училась искусству борьбы с периной. Но это тоже было сделано; а затем Марилла, чтобы избавиться от девочки, сказала ей, что она может выйти на улицу и поиграть до обеда.

Энн бросилась к двери, с радостным лицом и горящими глазами. На самом пороге она остановилась, резко повернулась и села у стола, радостное выражение исчезло с её лица, как будто кто-то стёр его ластиком.

— Что еще? — спросила Марилла.

— Я не смею выйти, — сказала Энн тоном мученика, отказавшегося от всех земных радостей. — Если я не могу остаться здесь, мне нет смысла привязываться к Зеленым крышам. А если я пойду туда и познакомлюсь со всеми этими деревьями, цветами, садом и ручьём — я не смогу не полюбить это место. Мне и так тяжело, поэтому я не буду делать ещё тяжелее. Мне так хочется выйти — все, кажется, зовет меня: «Энн, приходи к нам, Энн, мы хотим подружиться с тобой!» — но лучше не надо. Какой смысл влюбляться в то, что должны быть оторвано навсегда? И это так трудно — удержаться от любви к чему-либо, правда? Вот почему я была так рада, когда думала, что буду жить здесь. Я думала, здесь так много всего, что можно любить и ничто не помешает мне. Но эта сказка быстро закончилась. Я примирилась со своей судьбой, поэтому не хочу выходить, а то боюсь, что мне опять не хватит смирения. Как называется это растение в горшке на подоконнике, скажите, пожалуйста?

— Это герань.

— О, я не имею в виду название, я имею в виду имя, которое вы ему дали. Разве вы не дали ему имя? Тогда могу ли я сделать это? Можно назвать его... дайте мне подумать — Симпатьяшка подходит — можно, я буду называть его Симпатьяшкой, пока я здесь? Вы мне разрешите?!

— Ради Бога, называй, как хочешь. Но где ты видела, чтобы придумывали имя для герани?

— О, я люблю, чтобы вещи имели имена, даже если это просто герань. Это делает их похожими на людей. Откуда вы знаете, что не причиняете боль герани, когда просто называете её герань и никак иначе? Вы бы ведь не хотели, чтобы вас называли женщиной все время. Да, я буду называть её Симпатьяшкой. Я дала имя также этой вишне, которая растёт под окном моей спальни. Я назвала её Снежная королева, потому что она такая белая. Конечно, она не будет всегда в цвету, но можно ведь это представить, правда?

— Я никогда в своей жизни не видела и не слышала ничего подобного, — пробормотала Марилла, спускаясь в подвал за картошкой. — Она действительно интересная, как Мэтью говорит. Я чувствую, что уже задаюсь вопросом, что она скажет дальше. Она и меня тоже околдовала. Как уже сделала это с Мэтью. Этот взгляд, который он бросил на меня, когда выходил, выражал все, что он сказал или на что намекнул вчера вечером. Я хочу, чтобы он был похож на других мужчин, и прямо говорил всё, что думает. Тогда может ответить ему и поспорить с ним. Но что можно сделать с человеком, который просто смотрит?

Энн сидела в задумчивости, положив подбородок на руки и устремив глаза в небо, когда Марилла вернулась из своего путешествия в подвал. Так Марилла и оставила ее до тех пор, пока не пришло время обеда.

— Могу я взять кобылу и кабриолет во второй половине дня, Мэтью? — спросила Марилла.

Мэтью кивнул и задумчиво посмотрел на Энн. Марилла перехватила взгляд и мрачно сказала:

— Я собираюсь съездить в Уайт-Сэндс и уладить это дело. Я возьму Энн с собой и миссис Спенсер, вероятно, примет меры, чтобы сразу отправить ее обратно в Новую Шотландию. Я оставлю тебе чай и вернусь домой к вечерней дойке коров.

Мэтью ничего не сказал и у Мариллы было чувство, что она зря тратит слова. Нет ничего более раздражающего, чем мужчина, который не отвечает — кроме женщины, которая не отвечает.

Когда пришло время, Мэтью запряг гнедую кобылу и Марилла с Энн сели в коляску. Мэтью открыл ворота двора для них, и когда они медленно проезжали мимо, он сказал, ни к кому, кажется, конкретно не обращаясь:

— Маленький Джерри Бут из Крика был здесь сегодня утром, и я сказал ему, что найму его на лето.

Марилла не ответила, но так ударила кнутом бедную гнедую, что толстая кобыла, не привыкшая к такому обращению, негодуя поскакала галопом. Марилла обернулась, когда кабриолет уже отъехал довольно далеко, и увидела, что невыносимый Мэтью прислонился к воротам, задумчиво глядя им вслед.

Глава 5. История Энн

— Знаете, — сказала Энн доверительно, — я хочу получить удовольствие от этой поездки. Я знаю по своему опыту, что можно получить удовольствие от чего угодно, если твердо на это настроиться. Конечно, нужно сделать это *решительно*. Я не собираюсь думать о возвращении в детский дом, пока мы едем. Я просто буду думать о нашей поездке. Ой, смотрите, там есть уже один маленький цветок на кусте дикой розы! Разве это не прекрасно? Как вы думаете, наверное, радостно быть розой? И было бы хорошо, если бы розы могли говорить. Я уверена, что они могли бы рассказать нам много интересных историй. И правда ведь, розовый — самый чарующий цвет в мире? Я люблю его, но не могу носить этот цвет. Рыжие люди не могут носить розовый, даже в воображении. Вы когда-нибудь знали девочку, у которой волосы были рыжими, когда она была маленькой, но поменяли цвет, когда она выросла?

— Нет, я не слышала ни о чём таком, — сказала Марилла беспощадно, — и я не думаю, что это может произойти с тобой.

Энн вздохнула.

— Ну вот, ещё одна надежда разбита. Моя жизнь — настоящее «кладбище разбитых надежд». Я прочитала это выражение в книге, и говорю себе это в утешение, когда разочаровываюсь в чем-нибудь.

— Я не понимаю, как это может утешить, — сказала Марилла.

— Но ведь это звучит так красиво и романтично, как будто я героиня книги, понимаете? Я так люблю всё романтическое, а кладбище разбитых надежд — самое романтическое понятие, какое только можно себе представить, не так ли? И я почти рада, что оно у меня есть. Мы будем проезжать Озеро Мерцающих Вод сегодня?

— Мы не собираемся ехать через пруд Барри, если ты это имеешь в виду, говоря об Озере Мерцающих Вод. Мы поедем по прибрежной дороге.

— Прибрежная дорога звучит красиво, — сказала Энн мечтательно. — Интересно, она так же хорошо выглядит, как и звучит? Просто, когда вы сказали «прибрежная дорога», я сразу представила себе картинку. И «Уайт Сендс» — тоже красивое название. Но мне оно не так нравится, как Эйвонли. Эйвонли звучит прекрасно, как музыка. Как далеко находится Уайт Сендс?

— Это в пяти милях отсюда, и, раз ты, очевидно, собираешься много говорить, то хотя бы говори по делу. Расскажи мне всё, что знаешь о себе.

— О, то, что я *знаю* о себе — не стоит рассказывать, — нетерпеливо сказала Энн. — Если бы вы только позволили мне рассказать вам, что я придумываю о себе — было бы гораздо интереснее.

— Нет, я не хочу слушать твои фантазии. Просто придержишься голых фактов. Начни с самого начала. Где ты родилась и сколько тебе лет?

— Мне исполнилось одиннадцать в марте прошлого года, — сказала Энн с легким вздохом, рассказывая только «голые факты». — И я родилась в Болингброке, Новой Шотландии. Моего отца звали Уолтер Ширли, и он работал учителем в средней школе Болингброка. Имя моей матери — Берта Ширли. Разве Вальтер и Берта не прекрасные имена? Я так рада, что у моих родителей были хорошие имена. Было бы ужасно иметь отца по имени — ну, скажем, Джедедия, правда?

— Я думаю, имя человека не имеет значения, если он хороший человек, — сказала Марилла, чувствуя себя обязанной прививать хорошие и полезные мысли.

— Ну, я не знаю. — Энн задумалась. — Я прочитала в книге, что даже если розу назвать любым другим именем, она всё равно будет сладко пахнуть, но я никогда в это не верила. Я не верю, что роза будет такой же прекрасной, если её назвать чертополохом или капустой. Я полагаю, мой отец мог бы быть хорошим человеком, даже если б его звали Джедедия; но я уверена, что это был бы для него тяжкий крест. Моя мать тоже была учительницей в школе, но, когда она вышла замуж за отца, она конечно оставила работу. Муж — это большая ответственность. Миссис Томас сказала, что они были, как пара младенцев и бедны, как церковные мыши. Они жили в крохотном желтом домике в Болингброке. Я никогда не видела этот дом, но представляла себе его тысячи раз. Я думаю, что под окном гостиной росла жимолость, а у крыльца — кусты

сирени, и ландыши у ворот. Да, и муслиновые занавески висели на всех окнах, потому что муслиновые занавески придают месту воздушность. Я родилась в этом доме. Миссис Томас сказала, что я была самым невзрачным ребенком, которого она когда-либо видела, такая я была тощая и маленькая, только глаза большие, но мама считала, что я была самой красивой девочкой на свете. Я думаю, мама может оценить лучше, чем бедная женщина, которая пришла, чтобы прибраться, правда? Так или иначе я рада, что она была довольной мной, было бы так грустно, если бы я разочаровала ее, потому что она не прожила долго после родов. Она умерла от лихорадки, когда мне было всего три месяца. Я бы хотела, чтобы она прожила подольше и я бы помнила, как называла ее мамой. Я думаю, было бы так приятно говорить «мама», правда? И отец умер через четыре дня — тоже от лихорадки. Я осталась сиротой и люди «ломали голову» — так сказала миссис Томас — что со мной делать. Понимаете, никто не хотел меня брать даже тогда. Такая, наверное, у меня судьба. Отец и мать оба родом издалека, и это было хорошо всем известно, поэтому у них не было рядом никаких родственников. Наконец миссис Томас сказала, что она возьмёт меня, хотя она и была бедна, а муж у неё был пьяницей. Она выкормила меня из бутылочки. Вы не знаете, почему принято думать, что люди, которые выкормили кого-то из бутылочки, лучше, чем другие люди? Потому что всякий раз, когда я была непослушной, миссис Томас спрашивала меня, как я могу быть такой плохой девочкой, когда она выкормила меня из бутылочки. Мистер и миссис Томас переехали из Болингброка в Мэрисвиль, и я жила с ними, пока мне не исполнилось восемь лет. Я помогала присматривать за детьми Томасов — их было четверо, все младше меня, и могу сказать вам, это было непросто. Затем мистер Томас попал под поезд и погиб, а его мать предложила забрать миссис Томас и детей, но она не захотела брать меня. Миссис Томас тоже стала «ломать голову», так она говорила — что со мной делать. Тогда миссис Хэммонд из дома выше по реке сказала, что она может взять меня, потому что я могу присматривать за детьми, и я переехала в дом вверх по реке, чтобы жить с ней на маленькой полянке среди срубленных деревьев. Это было очень одинокое место. Я уверена, что никогда не смогла бы жить там, если бы у меня не было воображения. Мистер Хэммонд работал на небольшой лесопилке, а миссис Хэммонд воспитывала восьмерых детей. Она рожала близнецов три раза. Мне нравятся дети в умеренных количествах, но близнецы три раза подряд — это слишком. Я твёрдо сказала об этом миссис Хэммонд, когда последняя пара появилась на свет. Я ужасно устала смотреть за столькими детьми. Я жила с миссис Хэммонд в течение двух лет, а затем мистер Хэммонд умер и миссис Хэммонд не смогла вести хозяйство. Она раздала детей родственникам и отправилась в Америку. Я же поехала в детский дом в Хоуптоне, потому что никто не брал меня. Меня не хотели брать и в детском доме, сказали, что у них и так переполнено, но они вынуждены были взять меня, и я пробыла там четыре месяца, пока миссис Спенсер не приехала за мной.

Энн закончила свой рассказ со вздохом облегчения на этот раз. Очевидно, она не любила рассказывать о своем жизненном опыте в мире, где она никому не была нужна.

— Ты когда-нибудь ходила в школу? — спросила Марилла, направляя гнедую кобылу на прибрежную дорогу.

— Не очень долго. Только один год, когда я жила с миссис Томас. Когда я переехала в дом возле реки, мы были так далеко от школы, что я не могла туда ходить зимой, а летом были каникулы, так что я могла ходить туда только весной и осенью. Но, конечно, я ходила в школу, когда была в детском доме. Я довольно хорошо читаю, и знаю много стихов наизусть: «Битву под Хохенлинденом», «Эдинбург после наводнения», и «Бинген на Рейне», а также отрывки из «Леди Озера», и большую часть из «Времен года» Джеймса Томпсона. Вы любите стихи, от которых у вас мурашки по коже? Есть такие стихи в учебнике для пятого класса — называются «Падение Польши» — они пронизывают до костей. Конечно, я не ходила в пятый класс, только в четвертый, но старшие девочки давали мне их читать.

— А те женщины, миссис Томас и миссис Хэммонд, хорошо относились к тебе? — спросила Марилла, искоса взглянув на Энн.

— Ну-у... — протянула Энн. Ее чувствительное личико вдруг покраснело. Она явно была смущена.

— Ну, они точно намеревались, я знаю, они хотели быть хорошими и добрыми ко мне, насколько это возможно. И когда люди хотят быть хорошими для вас, вы не очень обижаетесь, если у них это не совсем получается. У них было много невзгод в жизни. Это очень тяжело — иметь пьяницу — мужа, и рожать близнецов три раза подряд, тоже, наверное, нелегко. Но я чувствую, что они хотели быть добрыми ко мне.

Марилла не задавала больше вопросов. Энн сидела тихо, с восхищением глядя на прибрежную дорогу, а Марилла рассеянно управляла кобылой, глубоко задумавшись. Жалость к этому ребёнку возникла вдруг в ее сердце. Какая тяжёлая жизнь у неё была — жизнь без любви, полная лишений, бедности и безнадзорности! Марилла была достаточно проникательна, чтобы читать между строк в истории Энн и догадаться о правде. Неудивительно, что девочка была в таком восторге от перспективы обрести настоящий дом. Жаль, что её придётся отправить обратно. Что, если она, Марилла, не будет противиться необъяснимому капризу Мэтью, и позволит девочке остаться? Мэтью был бы рад этому и ребенок, кажется, хороший, способный к обучению.

"Она, конечно, много говорит, — думала Марилла, — но можно её перевоспитать. И нет ничего грубого

или вульгарного в том, что она рассказывает. Она довольно воспитана. Скорее всего, её родители были приличными людьми".

Прибрежная дорога была одновременно "и лесной, и дикой, и пустынной". По правой стороне её росли ели, выстоявшие за долгие годы схватки с морскими ветрами. По левой — высились крутые скалы красного песчаника, подходившие в некоторых местах так близко к дороге, что кобыла, менее спокойная, чем гнедая, могла бы не раз напугать людей, едущих в коляске. Внизу, у основания скалы лежали кучи отшлифованных волнами камней и маленькие песчаные бухты, украшенные океанской галькой, как драгоценными камнями; за ними простиралось море, мерцающее синим, а над ним взлетали чайки, и их крылья серебрились в солнечном свете.

— Разве море не чудесно?— сказала Энн, пробуждаясь от долгого молчания. — Однажды, когда я жила в Мэрисвиле, мистер Томас нанял фургон и повёз нас всех за десять миль, чтобы провести день на берегу моря. Я наслаждалась каждым моментом этого дня, хотя мне и пришлось присматривать за детьми все время. В течение многих лет мне снился этот день в счастливых снах. Но этот берег лучше, чем в Мэрисвиле. Какие чудесные чайки, правда? Вы бы хотели быть чайкой? Я бы хотела...ну если бы я не могла быть человеком. Вам не кажется, что было бы здорово проснуться на рассвете и парить весь день в голубом небе над водой? А затем на ночь улетать обратно в своё гнездо. Я могу только представить, как это прекрасно. Что за большой дом, там впереди?

— Это отель Уайт Сэндс. Его хозяин— мистер Кирк. Сейчас сезон ещё не начался. Много американцев приезжает сюда на лето. Им нравится это побережье.

— Я боялась, что это дом миссис Спенсер, — сказала Энн грустно. — Я не хочу, чтобы это был он. Кажется, что это конец всего.

Глава 6. Марилла принимает решение

Тем не менее, вскоре они были там. Миссис Спенсер жила в большом желтом доме в бухте Уайт Сэндс. Она вышла на крыльцо встретить их, её доброжелательное лицо выражало радостное удивление.

— Бог ты мой! — воскликнула она, — я сегодня не ожидала вас увидеть, но я действительно рада, что вы приехали. Вы будете ставить свою лошадь в конюшню? Как дела, Энн?

— У меня всё хорошо, спасибо, — сказала Энн без улыбки. Лицо её выражало уныние.

— Мы останемся ненадолго, пока лошадь отдохнет, — сказала Марилла, — но я обещала Мэтью, что вернусь домой рано. Дело в том, миссис Спенсер, что произошла ошибка, и я приехала, чтобы выяснить, как это случилось. Мы с Мэтью просили вас передать, чтобы вы привезли нам мальчика из приюта. Мы сказали вашему родственнику Роберту, что нам нужен мальчик лет десяти — одиннадцати.

— Марилла Касберт, да что вы говорите! — расстроено сказала миссис Спенсер, — Роберт послал ко мне свою дочь Нэнси, и она сказала, что вы хотите девочку — не так ли, Флора Джейн? — обратилась она к своей дочери, которая как раз вышла на крыльцо.

— Она так и сказала, мисс Касберт, — подтвердила Флора Джейн искренне.

— Мне очень жаль, — сказала миссис Спенсер, — что так вышло; но это не моя вина, мисс Касберт. Я сделала все, что могла, и думала, что выполняла ваши указания. Нэнси ужасно легкомысленна. Я часто ругаю ее за беспечность.

— Это была и наша вина, — сказала Марилла безропотно. — Мы должны были прийти к вам сами, а не просить передать важное сообщение через других людей. Во всяком случае, была сделана ошибка, и единственное, что нужно сделать — это исправить её. Можем ли мы отправить ребенка назад в приют? Я полагаю, они возьмут ее обратно, не так ли?

— Полагаю, что так, — сказала миссис Спенсер задумчиво, — но, может, не придется отправлять ее обратно. Миссис Блюитт навещала меня вчера, и она жалела, что не попросила меня привезти ей девочку, чтобы та помогала по хозяйству. Вы знаете, у миссис Блюитт большая семья, и ей трудно без помощи. Энн как раз подойдет. Я называю это рукой Провидения.

Марилла не верила во вмешательство Провидения. Это был хороший шанс избавиться от нежеланной сироты, но она даже не чувствовала облегчения.

Она не была лично знакома с миссис Блюитт, только видела эту маленькую, худую женщину со сварливым лицом. И слышала, что та «ужасная хозяйка». Уволенные служанки рассказывали страшные истории о ее вечно плохом настроении и скупости, а также о её сварливых и драчливых детях. Марилла почувствовала угрызения совести при мысли о передаче Энн на милость этой женщины.

— Хорошо, я пойду к ней, и мы обсудим этот вопрос, — сказала она.

— Разве это не миссис Блюитт как раз сейчас идёт по улице? — воскликнула миссис Спенсер, увлекая своих гостей из коридора в гостиную, где смертельный холод окутал их, как будто воздух, пройдя через темно-зеленые, плотно закрытые жалюзи, потерял всё тепло, каким он когда-либо обладал. — Нам очень

повезло, потому что мы можем уладить дело сейчас же. Присядьте в кресло, мисс Касберт. Энн, ты садись сюда, на пуфик, и не вертись. Давайте я положу ваши шляпы. Флора Джейн, иди и поставь чайник. Добрый день, миссис Блюитт. Мы только что говорили, как нам повезло, что вы проходили мимо. Позвольте мне представить вас друг другу. Миссис Блюитт, мисс Касберт. Простите, я на минутку отлучусь. Я забыла сказать Флоре Джейн, что нужно вынуть булочки из духовки.

Миссис Спенсер выпорхнула из комнаты, перед тем открыв жалюзи. Энн сидела молча на пуфике, крепко сцепив руки на коленях, и смотрела на миссис Блюитт как зачарованная. Неужели её отдадут этой женщине с неприятным лицом и острым взглядом? Она почувствовала, как у неё появляется комок в горле и начинает щипать в глазах. Она испугалась, что не сможет сдержать слез, когда вернулась миссис Спенсер, покрасневшая и сияющая, готовая преодолеть любые трудности: физические, психологические или духовные.

— Кажется, произошла ошибка с этой девочкой, миссис Блюитт, — сказала она. — Я была уверена, что мисс и мистер Касберт хотели взять девочку. Мне сказали именно это. Но, оказывается, они хотели мальчика. Так что, если вы еще не передумали, я думаю, что девочка будет просто находкой для вас.

Миссис Блюитт смерила Энн взглядом с головы до ног.

— Сколько тебе лет и как тебя зовут? — спросила она.

— Энн Ширли, — дрогнувшим голосом сказала девочка, не смея делать какие-либо оговорки касательно произношения своего имени, — и мне одиннадцать лет.

— Гм! Ты не выглядишь на свой возраст. Но ты жилистая. Я точно не знаю, но, кажется, жилистые люди — хорошие работники. Ну, если я возьму тебя — ты должна быть хорошей девочкой, работающей, умной, и послушной. Я надеюсь, ты отработаешь своё содержание, и я не ошибусь, если возьму тебя. Да, я полагаю, что могла бы забрать её у вас, мисс Касберт. Мой младший ужасно капризный, и я уже замучилась смотреть за ним. Если хотите, я могу забрать её прямо сейчас.

Марилла посмотрела на Энн и сердце её сжалось при виде бледного лица ребенка с взглядом, полным немого страдания — страдания беспомощного маленького существа, которое снова попало в ловушку, из которой оно недавно бежало. Мариллу охватило неприятное чувство, что, если она сейчас проигнорирует этот взгляд, то он будет преследовать ее до конца дней. К тому же она не разделяла взглядов миссис Блюитт. Отдать чувствительного, ранимого ребенка такой женщине! Нет, она не могла взять на себя такую ответственность!

— Ну, я не знаю, — сказала она медленно. — Я не говорю, что мы с Мэтью точно решили, что не будем брать ее. На самом деле я могу сказать, что Мэтью расположен оставить ее. Я просто хотела выяснить, как произошла ошибка. Я думаю, что Энн пока лучше поехать со мной домой и мы ещё раз обсудим всё с Мэтью. Я чувствую, что мне не следует что-то решать, не посоветовавшись с ним. Если мы решим не оставлять ее, мы привезем или пришлём ее к вам завтра вечером. Если мы не сделаем этого, значит, что она остаётся с нами. Согласны вы на такой вариант, миссис Блюитт?

— Придется согласиться, — сказала миссис Блюитт неприветливо.

Пока Марилла говорила, лицо Энн словно озарилось светом. Сначала исчезло отчаяние из взгляда, затем на щеках появился слабый румянец; и вот глаза засияли ярко, как утренние звезды. Ребенок совершенно преобразился; и, мгновение спустя, когда миссис Спенсер и миссис Блюитт вышли в поисках рецепта, который нужен был миссис Блюитт, Энн вскочила и подбежала к Марилле.

— О, мисс Касберт, вы действительно сказали, что, возможно, позволите мне остаться в Зеленых крышах? — спросила она шепотом, боясь, что от громких звуков эта возможность может исчезнуть. — Вы действительно это сказали? Или это было только в моём воображении?

— Я думаю, тебе лучше научиться контролировать своё воображение, Энн, если ты не можешь отличить, что реально, а что нет, — сказала Марилла сердито. — Да, ты правильно услышала, что я сказала, но не более того. Еще ничего не решено, и, возможно, мы всё-таки отдадим тебя миссис Блюитт. Она, конечно, нуждается в тебе гораздо больше, чем я.

— Я бы предпочла вернуться в приют, чем жить с ней, — сказала Энн горячо. — Она выглядит в точности, как бурав.

Марилла спрятала улыбку, убеждённая, что Энн не следует так говорить.

— Стыдно маленькой девочке говорить так о незнакомой женщине, — строго сказала она. — Вернись на место, сиди спокойно и держи язык за зубами, как хорошо воспитанная девочка.

— Я буду делать все, что вы хотите, если вы только оставите меня, — сказала Энн, возвращаясь покорно на пуфик.

Когда они вернулись в Зеленые крыши, Мэтью встретил их на дороге. Марилла издали увидела, как он ходит взад—вперед по ней, и догадалась, что он переживал. Она заметила выражение облегчения на его лице, когда он увидел, что Энн вернулась с ней. Но она ничего не сказала ему о том, как обстоят дела, пока они не пошли в сарай, чтобы подоить коров. Затем она кратко рассказала ему историю Энн и результаты

беседы с миссис Спенсер.

— Я бы и собаку не доверил этой миссис Блюитт, — сказал Мэтью с необычайной горячностью.

— Я тоже от неё не в восторге, — призналась Марилла, — но нам придётся отдать девочку ей, либо оставить у себя, Мэтью. И так как ты, кажется, хочешь оставить ее, то я согласна, вернее, мне приходится согласиться. Я так долго думала над этой идеей, что уже привыкла к ней. Кажется, это мой долг. Я никогда не воспитывала ребенка, особенно девочку, и думаю, у меня будет много забот с ней. Но я сделаю все возможное. Так что, Мэтью, она может остаться.

Застенчивое лицо Мэтью засветилось от радости.

— Ну, я рассчитывал, что ты придешь к этому решению, Марилла, — сказал он. — Она такое интересное создание.

— Было бы более уместно, если б ты мог сказать, что она полезное создание, — возразила Марилла, — но я займусь этим. И учти, Мэтью, ты не должен вмешиваться в мои методы воспитания. Возможно, старая дева не много знает о воспитании ребенка, но я предполагаю, что она знает больше, чем старый холостяк. Таким образом, предоставь это мне. Если у меня не получится, то у тебя будет достаточно времени, чтобы сделать это по-своему.

— Хорошо, Марилла, поступай, как знаешь, — сказал Мэтью успокаивающе. — Только будь добра к ней, насколько можешь, чтобы не испортить ее. Я думаю, что она одна из тех, с кем можно чего-то добиться только любовью.

Марилла фыркнула, чтобы выразить презрение к мнению Мэтью в этом чисто женском вопросе, и ушла в маслодельню с ведрами.

"Я не скажу ей сегодня, что она может остаться," думала она, разливая молоко по банкам. "Она так обрадуется, что не сможет заснуть. Марилла Касберт, ну ты и впуталась в историю! Ты когда-нибудь могла предположить, что наступит день, когда ты возьмешь сироту из приюта? Это достаточно удивительно, но не так удивительно, как то, что именно Мэтью захотел этого. Он, который всегда испытывал смертельный страх перед маленькими девочками. Так или иначе, мы решились на эксперимент и Бог знает, что из этого выйдет".

Глава 7. Энн молится

Когда Марилла укладывала Энн в постель тем вечером, она сухо сказала:

— Энн, я заметила вчера вечером, что ты бросила одежду на пол, когда ложились спать. Это очень плохая привычка, и я не могу позволить тебе так делать. Когда ты снимаешь одежду, ты должна свернуть её аккуратно и положить на стул. Я не люблю неаккуратных маленьких девочек.

— Я была в таком отчаянии прошлой ночью, что не думала о своей одежде вообще, — сказала Энн. — Я сложу её красиво сегодня вечером. От нас всегда этого требовали в детском доме. Хотя я часто об этом забывала, я обычно спешила лечь в постель, теплую и уютную, и предаться мечтам.

— Ты должна помнить об этом, если останешься здесь, — предупредила Марилла. — Вот так почти хорошо. Помолись и ложись в кровать.

— Я никогда не молюсь, — объявила Энн.

Марилла посмотрела на неё с ужасом и удивлением.

— Почему, Энн, что ты имеешь в виду? Разве тебя не учили молиться? Бог хочет, чтобы маленькие девочки всегда читали молитвы. Разве ты не знаешь, кто такой Бог, Энн?

— Бог есть Дух, бесконечный, вечный и неизменный в своем проявлении мудрости, силы, святости, справедливости, добра и истины, — ответила Энн быстро и бойко.

Марилла вздохнула с облегчением.

— Ну хоть что-то ты знаешь, слава Богу! Ты не совсем язычница. Где ты этому научилась?

— В воскресной школе при детском доме. Нас заставили учить весь катехизис. Мне это очень нравилось. Что-то есть великолепное в этих словах: «Бесконечный, вечный и неизменный». Разве это не величественно звучит? Как будто играет большой орган. Я думаю, нельзя назвать это поэзией, но звучит похоже, не так ли?

— Мы не говорим о поэзии, Энн. Мы говорим о чтении молитвы. Разве ты не знаешь, что это плохо — не молиться каждый вечер? Боюсь, ты очень плохая маленькая девочка.

— Легче быть плохим, чем хорошим, если у тебя рыжие волосы, — сказала Энн печально. — Люди, у которых волосы не рыжие, не знают, как это ужасно. Миссис Томас сказала мне, что Бог *специально* сделал мои волосы рыжими, и с тех пор я никогда не думала о Нем. И вообще, я всегда слишком уставала по вечерам, чтобы ещё беспокоиться о молитве. От людей, которые должны ухаживать за близнецами, нельзя требовать ещё и молитвы. Скажите честно, разве вы так не думаете?

Марилла решила, что религиозное обучение Энн нужно начинать сразу. Очевидно, что нельзя терять ни минуты.